

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 18 | 1 МАЯ | ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО | 1942 ГОД | Цена 45 коп.

П Р И К А З НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

1 мая 1942 года № 130 г. Москва.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, люди интеллигентного труда, братья и сестры по ту сторону фронта в тылу немецко-фашистских войск, временно подпадавшие под иго немецких угнетателей!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской партии приветствую и поздравляю вас с днем 1 Мая! Товарищи! Народы нашей страны встречают в этом году международный день 1 Мая в обстановке отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Война наложила свою печать на все стороны нашей жизни. Она наложила печать также на сегодняшний день, на праздник 1 Мая. Трудились нашей страны, учитывая военную обстановку, отказались от праздничного отдыха — для того, чтобы провести сегодняшний день в напряженном труде на оборону нашей родины. Живя одной жизнью с бойцами нашего фронта, они превратили праздник 1 Мая в день труда и борьбы — для того, чтобы оказать фронту наибольшую помощь и дать ему побольше винтовок, пулеметов, орудий, минометов, танков, самолетов, боеприпасов, хлеба, мяса, рыбы, овощей.

Это означает, что фронт и тыл представляют у нас единый и нераздельный боевой лагерь, готовый преодолеть любые трудности на пути к победе над врагом.

Товарищи! Более двух лет прошло с того времени, как немецко-фашистские захватчики вернули Европу в пустыню войны, покорили свободные страны континента Европы — Францию, Норвегию, Данию, Бельгию, Голландию, Чехословакию, Польшу, Югославию, Грецию, — и высасывают из них кровь ради обогащения немецких банкиров. Более десяти месяцев прошло с того времени, как немецко-фашистские захватчики подошли и вероломно напали на нашу страну, грабят и опустошают наши села и города, насилуют и убивают мирное население Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, Молдавии. Более десяти месяцев прошло, как зароды нашей страны ведут отечественную войну против озверевшего врага, отстаивая честь и свободу своей родины. За этот промежуток времени мы имели возможность достаточно хорошо приглядеться к немецким фашистам, понять их действительные намерения, узнать их действительное лицо, узнать не на основе словесных заявлений, а на основе опыта войны, на основе общеизвестных фактов.

Кто же они, наши враги, немецкие фашисты? Что это за люди? Чему учит нас на этот счет опыт войны?

Говорят, что немецкие фашисты являются националистами, оберегающими целостность и независимость Германии от покушения со стороны других государств. Это, конечно, ложь. Только обманщики могут утверждать, что Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Греция, Советский Союз и другие свободные страны покушаются на целостность и независимость Германии. На самом деле немецкие фашисты являются не националистами, а империалистами, захватывающими чужие страны и высасывающими из них кровь для того, чтобы обогатить немецких банкиров и плутократов. Геринг, глава немецких фашистов, сам является, как известно, одним из первых банкиров и плутократов, эксплуатирующим десятки заводов и фабрик. Гитлер, Геббельс, Раббитсон, Гиммлер и другие правители нынешней Германии являются ценными собаками немецких банкиров, ставящими интересы последних выше всех других интересов. Немецкая армия является в руках этих господ слепым орудием, призванным проливать свою и чужую кровь и калечить себя и других не ради интересов Германии, а ради обогащения немецких банкиров и плутократов.

Так говорят опыт войны.

Говорят, что немецкие фашисты являются социалистами, старающимися защищать интересы рабочих и крестьян против плутократов. Это, конечно, ложь. Только обманщики могут утверждать, что немецкие фашисты, установившие рабский труд на заводах и фабриках и восстановившие крепостнические порядки в селах Германии и покоренных стран, — являются защитниками рабочих и крестьян. Только обманщики обманщики могут отрицать, что рабско-крепостнические порядки, устанавливаемые немецкими фашистами, выданы немецким плутократам и банкирам, а не рабочим и крестьянам. На самом деле немецкие фашисты являются реакционерами-крепостниками, а немецкая армия — армией крепостников, противобойшей крови ради обогащения немецких баронов и восстановления власти помещиков.

Так говорят опыт войны.

Говорят, что немецкие фашисты являются носителями европейской культуры, ведущими войну за распространение этой культуры в других странах. Это, конечно, ложь. Только профессиональные обманщики могут утверждать, что немецкие фашисты, покрывшие Европу виселицами, граблями и насилующие мирное население, поджигавшие и взрывающие города и села и разрушающие культурные ценности народов Европы, — могут быть носителями европейской культуры. На самом деле немецкие фашисты являются врагами европейской культуры, а немецкая армия — армией средневекового мракобесия, призванной разрушить европейскую культуру ради насаждения рабовладельческой «культуры» немецких банкиров и баронов.

Так говорят опыт войны.

Таково лицо нашего врага, вскрытое и выставленное на свет опытом войны.

Но опыт войны не ограничивается этими выводами. Опыт войны показывает кроме того, что за период войны произошли серьезные изменения как в положении фашистской Германии и ее армии, так и в положении нашей страны и Красной Армии.

Что это за изменения?

Несомненно, прежде всего, что за этот период фашистская Германия и ее армия стали слабее, чем десять месяцев тому назад. Война принесла германскому народу большое разочарование, миллионы человеческих жертв, голод, обнищание. Войне не видно конца, а людские резервы на исходе, нефть на исходе, сырье на исходе. В германском народе все более нарастает сознание неизбежности поражения Германии. Для германского народа все яснее становится, что единственным выходом из создавшегося положения является освобождение Германии от авантюристической клики Гитлера — Геринга.

Гитлеровский империализм занял обширные территории Европы, но он не сумел воли европейских народов к сопротивлению. Борьба поработенных народов против режима немецко-фашистских разбойников начинает приобретать всеобщий характер. Во всех оккупированных странах обычным явлением стали саботаж на военных заводах, взрывы немецких складов, крушения немецких военных эшелонов, убийства немецких солдат и офицеров. Вся Югославия и занятые немцами советские районы охвачены пожаром партизанской войны.

Все эти обстоятельства привели к ослаблению германского тыла, а значит и — к ослаблению фашистской Германии в целом.

Что касается немецкой армии, то несмотря на ее упорство в обороне, она все же стала намного слабее, чем 10 месяцев назад. Ее старые, опытные генералы вроде Рейхенау, Браухеца, Тотла и других либо убиты Красной Армией, либо разогнаны немецко-фашистской верхушкой. Ее кадровый офицерский состав частью истреблен Красной Армией, частью же разложился в результате грабежей и насилий над гражданским населением. Ее рядовой состав, серьезно ослабленный в ходе военных операций, получает все меньше пополнений.

Несомненно, во-вторых, что за истекший период войны наша страна стала сильнее, чем в начале войны. Не только друзья, но и враги вынуждены признать, что наша страна объединена и оплочена теперь вокруг своего Правительства больше, чем когда бы то ни было, что тыл и фронт нашей страны объединены в единый боевой лагерь, бьющий по одной цели, что советские люди в тылу дают нашему фронту все больше винтовок и пулеметов, минометов и орудий, танков и самолетов, продовольствия и боеприпасов.

Что касается международных связей нашей родины, то они окрепли и выросли в последнее время, как никогда. Против немецкого империализма объединились все свободные народы. Их взоры обращены к Советскому Союзу. Героическая борьба, которую ведут народы нашей страны за свою свободу, честь и независимость, вызывает восхищение всего прогрессивного человечества. Народы всех свободных стран смотрят на Советский Союз, как на силу, способную спасти мир от гитлеровской чумы. Среди этих свободных стран первое место занимают Великобритания и Соединенные Штаты Америки, с которыми мы связаны узлами дружбы и союза, которые оказывают нашей стране все большую и большую военную помощь против немецко-фашистских захватчиков.

Все эти обстоятельства говорят о том, что наша страна стала намного сильнее.

Несомненно, наконец, что за истекший период Красная Армия стала организованнее и сильнее, чем в начале войны. Нельзя считать случайностью тот общеизвестный факт, что после временного отхода, вызванного вероломным нападением немецких империалистов, Красная Армия добилась перелома в ходе войны и перешла от активной обороны к успешному наступлению на вражеские войска. Это факт, что благодаря успехам Красной Армии отечественная война вступила в новый период, — период освобождения советских земель от гитлеровской нечисти. Правда, к выполнению этой исторической задачи Красная Армия приступила в трудных условиях суровой и многоснежной зимы, но, тем не менее, она добилась больших успехов. Захватив инициативу военных действий в свои руки, Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам ряд жестоких поражений и вынудила их очистить значительную часть советской территории. Расчеты захватчиков использовать зиму для передышки и закрепления на своей оборонительной линии потерпели крах. В ходе наступления Красная Армия уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, забрала у врага не малое количество техники и заставила его преждевременно израсходовать резервы из глубокого тыла, предназначенные для весенне-летних операций.

Все это говорит о том, что Красная Армия стала организованнее и сильнее, ее офицерские кадры закалялись в бою, а ее генералы стали опытнее и прозорливее.

Произошел перелом также в рядовом составе Красной Армии. Исчезли благодушие и бесечность в отношении врага, во-

Советская интеллигенция! Работники советских учреждений, инженеры, учителя, агрономы, врачи, работники науки, искусства и литературы! Отдадим все наши силы и знания делу борьбы с немецкими захватчиками!

Да здравствует советская интеллигенция!
(Из лозунгов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1942 г.)

торые имели место среди бойцов в первые месяцы отечественной войны. Зверства, грабежи и насилья, чинимые немецко-фашистскими захватчиками над мирным населением и советскими военнопленными, излечили наших бойцов от этой болезни. Бойцы стали злее и беспощаднее. Они научились по-настоящему ненавидеть немецко-фашистских захватчиков. Они поняли, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души.

Не стало больше болтовни о непобедимости немецких войск, которая имела место в начале войны и за которой окрылялся страх перед немцами. Знаменитые бои под Ростовом и Керчью, под Москвой и Калининском, под Тихвином и Ленинградом, когда Красная Армия обратила в бегство немецко-фашистских захватчиков, убедили наших бойцов, что болтовня о непобедимости немецких войск является сказкой, сочиненной фашистскими пропагандистами. Опыт войны убедил нашего бойца, что так называемая храбрость немецкого офицера является вещь весьма относительной, что немецкий офицер проявляет храбрость, когда он имеет дело с безоружными военнопленными и с мирным гражданским населением, но его покидает храбрость, когда он оказывается перед лицом организованной силы Красной Армии. Припомните народную поговорку: «молодец против овец, а против молодца — сам овца».

Таковы выводы из опыта войны с немецко-фашистскими захватчиками.

О чем они говорят?

Они говорят о том, что мы можем и должны бить и впрямь немецко-фашистских захватчиков до полного их истребления, до полного освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев.

Товарищи! Мы ведем войну отечественную, освободительную, справедливую. У нас нет таких целей, чтобы захватить чужие страны, покорить чужие народы. Наша цель ясна и благородна. Мы хотим освободить нашу советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев. Мы хотим освободить наших братьев украинцев, молдаван, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, карелов от того позора и унижения, которым подвергаются эти немецко-фашистские мерзавцы. Для осуществления этой цели мы должны разбить немецко-фашистскую армию и истребить немецких оккупантов до последнего человека, поскольку они не будут сдаваться в плен. Других путей нет.

Мы это можем сделать и мы это должны сделать во что бы то ни стало.

У Красной Армии есть все необходимое для того, чтобы осуществить эту возвышенную цель. Не хватает только одного — умения полностью использовать против врага ту первоклассную технику, которую предоставляет ей наша родина. Поэтому задача Красной Армии, ее бойцов, ее пулеметчиков, ее артиллеристов, ее минометчиков, ее танкистов, ее летчиков и кавалеристов — состоит в том, чтобы учиться военному делу, учиться настойчиво, изучать в совершенстве свое оружие, стать мастерами своего дела и научиться, таким образом, бить врага наверняка. Только так можно научиться искусству побеждать врага.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

Приветствую и поздравляю вас с днем 1 Мая, приказываю:

1. Рядовым бойцам — изучить винтовку в совершенстве, стать мастерами своего оружия, бить врага без промаха, как бьют их наши славные снайперы, истребители немецких оккупантов!
 2. Пулеметчикам, артиллеристам, минометчикам, танкистам, летчикам — изучить свое оружие в совершенстве, стать мастерами своего дела, бить в упор фашистско-немецких захватчиков до полного их истребления!
 3. Общевоинским командам — изучить в совершенстве дело взаимодействия родов войск, стать мастерами дела вождения войск, показать всему миру, что Красная Армия способна выполнить свою великую освободительную миссию!
 4. Всей Красной Армии — добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!
 5. Партизанам и партизанкам — усилить партизанскую войну в тылу немецких захватчиков, разрушить средства связи и транспорта врага, уничтожить штабы и технику врага, не жалеть патронов против угнетателей нашей родины!
- Под необходимыми знаменем великого Ленина — вперед к победе!

Народный Комиссар Обороны И. Сталин.

ПЕРЕКЛИЧКА ЧЕРЕЗ ОКЕАН

За последние месяцы на страницах нашей печати были опубликованы десятки высказываний перелетчиков культуры и войны. Теодор Драйзер, Энтон Синклер, Герберт Уэллс, Джон Бойнтон Пристли, Эрнест Хемингуэй, Эрскин Коудзэлл, Ричард Райт и многие другие оказались в одном боевом лагере с нами. Их письма и телеграммы, статьи и публичные выступления говорят об одном: у нас общие интересы, общие задачи, общие мысли и чувства в великой борьбе за счастье и свободу всего человечества.

Героизм и мужество Красной Армии вызывают всеобщий восторг. «В наших чувствах, обращенных к русским друзьям, — нечто большее, чем простое восхищение, — говорит английская писательница Сторм Джеймсон. — Мы все сейчас охвачены жадным желанием узнать как можно больше о русском народе, о его историческом прошлом, о его культурных завоеваниях, обо всем, что создало и выковало тот изумительный патристический восторг России, перед которым все мы благоговейно склоняем головы».

Это жадное желание «знать как можно больше о русском народе» находит свой отклик в самых различных слоях английской и американской обществ. Писатели русских классиков слышат и рядом статьи сейчас на сцене английского театра. Совсем недавно, например, с огромным успехом прошла премьера «Дяди Ваня» Чехова. «Советская кинохроника о боевых действиях на советско-германском фронте идет буквально под неслыханные аплодисменты», — сообщает английская газета «Дейли экспресс». Советские фильмы демонстрируются сейчас в большинстве английских кинотеатров. Корреспондент американского журнала «Нью-Йорк Таймс бук ревью», присутствовавший на просмотре фильма «Фронтные подруги», рассказывает: «Я обратил внимание на двух молодых девушек, вместе выходящих из зала. У них были заплаканные глаза и лица, покрасневшие от возмущения. «Кто может нам запретить стать такими же, как эти русские женщины!» — сказала одна другой».

Журнал литературы «Саллемент» сообщает: «Интерес к русской литературе в Англии стал почти повсеместным явлением. Редкий книжный магазин в Лондоне не имеет сейчас на витринах книг русских авторов или книг о России. У некоторых букинистов появились даже заботы «История Московии» Милтона. Старые переводы произведений Толстого, Достоевского, Гоголя, Тургенева, Чехова, Горького раскупаются нарвать. Многие из этих переводов вышли уже вторым и третьим изданием. Даже весьма неуклюжие переводы Пушкина находят своего читателя. Переводы на английский язык Пушкина можно часто встретить на книжных аукционах Лондона и Эдинбурга. Сборник Пушкина в прекрасном переводе Энтонга, вышедший в Англии в 1938 году, стал почти библиографической редкостью».

В одном из последних номеров «Таймс литературы» опубликована статья Бернарда Пейрса «Связь с Россией. Пути культурного сближения», в которой автор, перечисляя книги, могущие информировать английского читателя о русской культуре, пишет: «Изучение, внимательное, тщательное изучение культурных ценностей русского народа — вот что требуется от тех из нас, кто не знаком с историей России — нашего великого союзника, и особенно требуется сейчас, когда у нас дружба английского и русского народов скреплены кровью».

То, что говорилось здесь о Лондоне, с полным правом можно сказать и о Нью-Йорке. «Я прошел как-то вечером по Бродвею и среди огненных напавшей на фронтонах кинотеатров насчитал по меньшей мере шесть названий советских фильмов», — рассказывает один из рецензентов американских газет.

Сейчас самая популярная книга в Америке — это «Советская держава» декана Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона. Изданный в первые дни войны миллионным тиражом, она, по выражению ее издателя, «в короткий срок завоевала Америку». Ее покупают не только в больших городах, но и в глухих фермерских поселках, вдали от железной дороги, в мельчайших уголках какой-нибудь Джорджии или Небраски.

Не только книга Хьюлетта Джонсона о СССР пользуется сейчас огромным спросом в Америке. Такие произведения, как «Советы и коммунизм» Сидни и Беатрисы Вэбб или «Свет на Москву» Д. Пригга, можно найти теперь только у букинистов. Недавно вышедшие книги «Индия не может победить Россию» Мориса Хиндуса и «Советы это предвидели» Алены Луизы Стронг расходятся, но словам «Дейли уоркер», не только среди любителей политико-экономической литературы. Их покупают студенты, домашние хозяйки, служащие и коммерсанты, многие из которых несколько лет назад равнодушно прошли бы мимо книг с таким названием. Редакция журнала «Харисер мэгэзин» недавно опубликовала результаты своей ежегодной анкеты на тему «Какую книгу вы считаете лучшей из всех прочитанных вами за год?». Анкета проводилась редакцией среди провинциальных критиков, работников небольших периферийных газет. Она отражает таким образом мнение самых широких слоев американского населения. В анкете участвовали рецензенты всех провинциальных газет США — от атлантического до тихоокеанского побережья и от Великих озер на севере до Нового Орлеана на юге. Обсуждалось около полсотни книг самого разнообразного характера и содержания, вышедших за вторую половину прошлого года. И лучшей книгой единогласно был признан «Тихий Дон» советского писателя Шолохова.

«Послом советской культуры в США является не только книга, но и советская музыка, замечательная советская песня, с предельной силой выражающая тот патристический порыв, ту великую любовь к родине, с которой советские люди отражают нападения фашистских армий», — пишет музыкальный критик «Нью-Йорк Таймс». Произведения советских композиторов — Шостаковича, Прокофьева, Васильенко, Кабалевского и других — исполняются лучшими оркестрами Америки. Советские песни записаны на тысячах граммофонных пластинок, эти песни можно услышать сейчас в самом глухом уголке страны. «Даже мальчишки наивысшей школы», — пишет автор письма в редакцию журнала «Нью Мессес».

Недавно лондонские власти поставили памятник В. И. Ленину на одном из городских скверов, выразив этим единодушное отношение английского народа к созданию советского государства. Произведения Ленина и Сталина, как сообщает «Нью Мессес», выставлены сейчас на витринах одного из крупнейших книжных магазинов Нью-Йорка, на Пятой авеню. Выход в свет на английском языке биографии И. Сталина, выпущенной американским издательством «Уоркерс Лэборери Паблшерс», был отмечен большим успехом американских газет. «Сегодня, когда русская Красная Армия, руководимая Сталиным, наносит жестокие удары гитлеровским армиям», — писал один из газетных обозревателей, — выход в свет этой исключительно ценной книги приобретает очень большое значение для американского читателя».

Это чувство уважения и восхищения к советской культуре, руководителем гитлеровской борьбы против коммунизма и фашистских захватчиков Анны Луизы Стронг в своей статье «Когда говорит Сталин», опубликованной в одном из номеров журнала «Совет Решатель» («Советская Россия сегодня»).

«Я точно знаю, как чувствовали себя люди в Москве, слыша по радио голоса Сталина», — пишет она. — Я знаю, потому что сама ее раз слышала его. И всегда казалось, что близкий друг совсем просто сообщает то, что мне всего нужнее знать... Каждый, разумеется, знал причины войны. Знали и до речи Сталина. Но ни кто-то услышать это от Сталина. Ибо в Сталине суммируются все их знания, все их воля. Радость и слезы, мудрость и весь век волеводил Сталин в свои простые слова, обращенные к советскому народу, указав ему тяжкий и суровый путь к победе, к счастью всего человечества».

Эти слова писательницы выражают настроение всех лучших представителей английской и американской интеллигенции, разделяющих вместе с советским народом нерушимую веру в победу, к которой его ведет гений великого Сталина.

ДНЕВНОЙ КОНЦЕРТ

В течение концерта дневного, В звучанье Чайковского вдуру Ворвался из мира иного Какой-то непрощенный звук.

То подняли голос сирены, И следом за ними, в упор, С воздушной донесся арены Зениток отчетливый хор...

По правым и левым пролетам Ступились мы в первый этаж. Мы слышали тон самозвон, Мы знали его: это наш.

Молченье летнее звеня — Мелодия их все быстрее. Мы жадно лезли вступленья Зенитных морских батарей.

Басовым гудением полон Был весь небосвод над Невой. И вдруг — серебристою соломой Прорежи фанфары отбой.

И поднялась снова тогда мы, И слова увидели свет. И снова из «Пиковой дамы» Любимый раздался дуэт.

Созданье рокового паффа, Сумевшие музыку стать... И только подумать, что это Хотят у нас немцы отнять!

Так нет же! Далеко или близок, Он грянет, громовый раскат, Чтоб русскую девушку Лизу Спасти от фашистских солдат.

Советские танки и пушки — Грядущей победы залог, Чтоб жил Чайковский и Пушкин, И Глинка, и Гоголь, и Блок.

Того, чтоб совладели башен Кремлевских похороб облаков Сияло над родиной нашей, Как солнце, во веки веков. Ленинград.

Хосе БЕРГАМИН

Русским писателям

Вранбургу, Алексею Толстому, Светлакову, Пастернаку, Шолохову, Бадному, Барто, Фадину, Ставскому, Гайдану, Саачу, Ромашову, Алятичу, Кельну.

Дорогие товарищи и друзья! В час великих и грозных событий, над разрававшимися над вашей страной, над советскими народами, я, как верный друг ваш, не могу оставаться безучастным и не поддерживать вас словом уверенности в вашей победе, в борьбе за общеправое дело.

Тем же чувством веры в вас я был преисполнен, когда варварские силы, которые теперь вторглись в нашу страну, ринулись на нас и мы обменялись с вами обетом вечной дружбы. Тогда вы были за нас и на нашей стороне — всегда и неизменно. И сегодня нет ни одного испанского писателя, достойного этого имени, который не чувствовал бы, что ваше дело — также и его дело.

Наша война не была такой гитлеровской, такой грозной; но зато среди вас лет измеченных, поданных тем, которые пролили врагу нашу родную. Как вы знаете, испанский народ не был покорен — его законали в цепи. И вы знаете, что жизнь не ушла в нем; и все испанцы, которые не сложили оружия, с надеждой и верой обратили свои взоры к вам. И победа будет за нами, ибо нам дорого наше общее дело. Имена ему означала бы измену нам самим.

Жизнь моей памяти те печальные часы, которые мы пережили в Испании. Тогда, словно свежий ветерок, коопулись моего сердца слова. Вы предложили мне гостеприимство в ваших городах и на ваших полях, где парил лиричный труд, завоеванный братскими усилиями и которому нет равного во всем мире.

Я всегда любил вашу страну, мне нравился ваш образ жизни, ваш образ мышления. Когда я был среди вас, впервые в 1928 г., а затем в 1937 г., я имел возможность видеть вашу работу и вполне оценить ее.

И вот, когда я был среди вас, в вашей Москве, в Ленинграде, мне трудно было отделиться от чувства, что я мало чем отличался от какого-то скелета; ведь на моей родине все превратилось в пепел и прах. Мне казалось, что я доикотствующий испанец, которого вы — в страстном стремлении к миру и к искренней дружбе с Испанией — прижали к своей груди. И когда вы гостеприимно открыли передо мной двери ваших домов, подарили мне улыбку понимания и сочувствия и горячим пожатием руки сателитный огонь новой жизни и надежды, тогда я понял духовную силу, которая вдохновляет радость и верой ваши города и разносится над снежными полями Москвы, как вонючий смех детей.

Когда я стал свидетелем чуда, которое вы совершили со стойким героизмом, когда я увидел, как в течение всего лишь девяти лет, под руководством Сталина, вы устроили у себя настоящий рай, когда я увидел все это и вы попросили меня дать свои критические замечания, чтобы вы смогли еще лучше работать, — я просто растерялся и не знал, что ответить. И единственный ответ, на который я был способен, — это беспредельное восхи-

щение, отмеченное печалью, ибо война и страдания моего народа в далекой Испании впитали надо мной, как невидимые тени.

В ваших песнях вы поете о счастливой жизни народа, о радости детей. Смерть и варварство обрушились чтобы отнять у вас то, что вы завоевали с полным правом, великодушно и благородно, на основе подлинного гуманизма. И в защиту правды, которая сплотила всех нас — и рабочих, и интеллигенцию — сейчас больше, чем когда-либо, тысячи ваших лучших сынов, самых молодых и сильных, точно так же, как это было в Испании, отдали и отдадут свою жизнь.

Чтобы понять народ, который вы уже однажды спасли и снова защищаете, чтобы оценить все, что сделано вами и делается в настоящее время, для этого нужно быть настоящим человеком и думать сердцем.

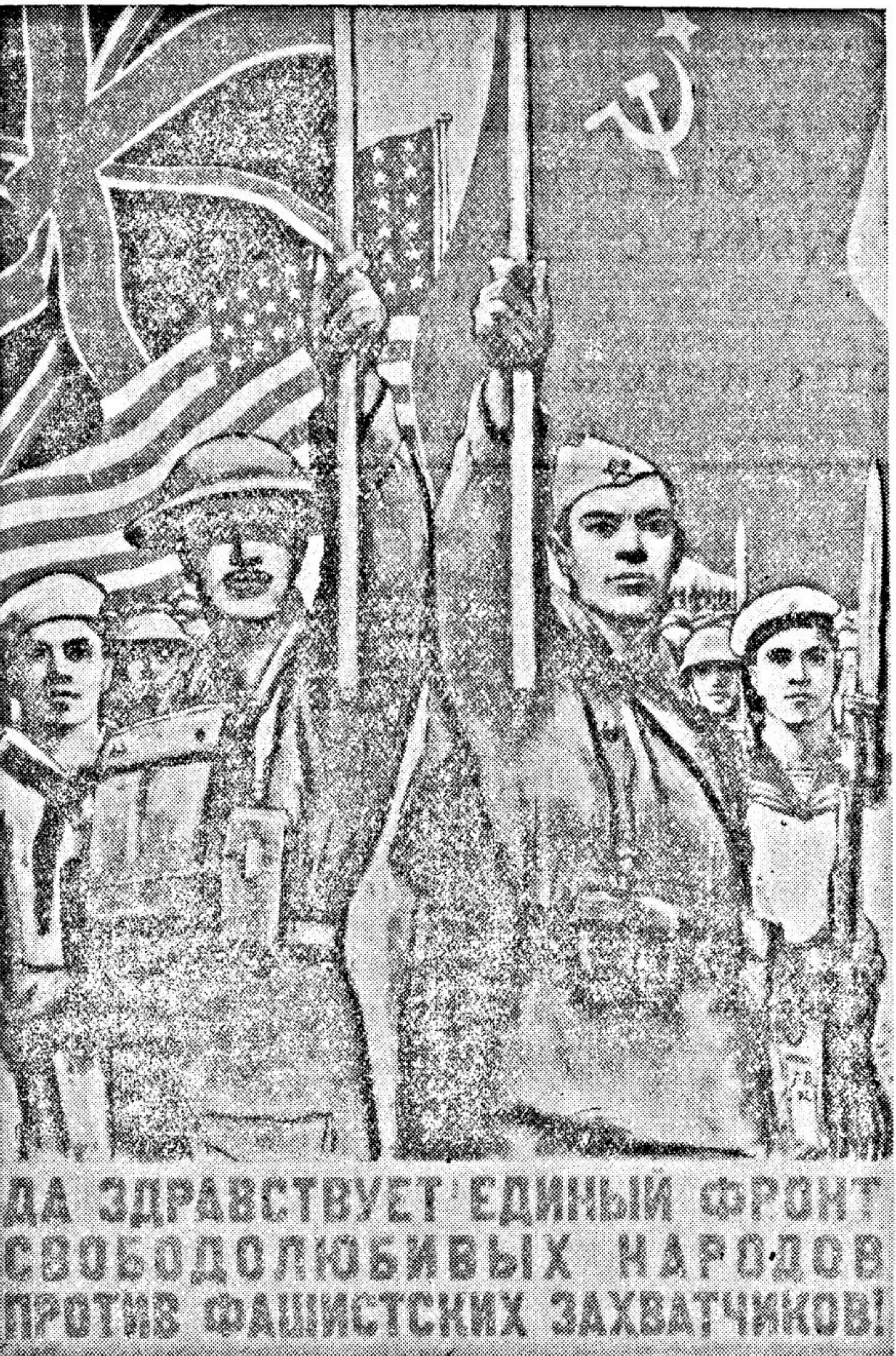
Музыкается же, мои товарищи и друзья! Я с вами до смерти. Я верю в вашу победу, которая будет и нашей. И если эти простые слова, высказанные испанцем, приносят что-нибудь к вашей великой вере в победу, возьмите их, потому что они — ваши. Не забывайте, что правда, которую вы защищаете, это счастливая жизнь и радость ваших детей, подлинный мир и свобода, будущее мира и будущее всего человечества; свобода людей и свобода для всех народов мира.

Я с вами, товарищи и друзья! Я также испытываю ту трогательную и радостную уверенность, с которой вы ведете борьбу. И я пренебрегаю гордостью не оттого, что я испанец или писатель, но пренебрегаю всею и прежде всего оттого, что я ваш друг.

Я чувствую себя рядом с вами. Я на вашей стороне. Обнимаю вас.

Иллюстрация к статье Хосе Бергамин «Русским писателям» в американском журнале «Нью Мессес»

Первомайский плакат, выпущенный издательством «Искусство». Художники В. Иванов и С. Буров.

НА ВСТРЕЧУ ВЕСНЕ

Николай ТИХОНОВ

«У нас война, у нас ведь не парад...» А. Пушкин.

В Ленинграде, на берегу Невы, там, где два египетских сфинкса смотрят в глаза друг другу, как бы спрашивая: как вы сюда попали? — стоит большой старинный дом. Это Академия художеств.

В этом году в ней был нормальный выпуск окончивших академию. В здании не было уже ни одного стекла, стены были побиты осколками снарядов, бомба угодила в Литейный двор, в бомбоубежище жили старые и молодые художники, но жизнь продолжалась, и кончившим с отличием вручили дипломы. Их вручили будущим мастерам, призванным отражать жизнь нашего времени резцом и кистью.

Среди окончивших с отличием был один выпущенный по архитектурному отделению. Он сделал нервный вариант своей дипломной работы, и даже при свете копилки было ясно, что это очень хорошо. Он подыскивал последние детали, когда ему сообщили, что в десяти километрах от Ленинграда убит в бою его лучший друг. Война жила слишком близко, чтобы о ней можно было забыть.

Проект архитектора был посвящен мирному строительству. На него было затрачено много труда, мысли, энергии. И вот теперь он не годился. Как будто мертвый друг встал над чертежами и смотрел на злочесто с немым укором. Что он хотел?

И архитектор переделал проект, он сделал его другим, он внес в проект войну. Он сделал новую, по существу, работу. Проект стал работать на оборону. И снова при дрожащем пламени копилки было ясно, что это очень хорошо. Это было ясно всем на комиссии, которая приняла проект с отличием.

Музыка опередил все виды поэтического оружия. Она уже имеет произведение могучего, восторженного, такового, какому равного нет еще ни в стихах, ни в прозе. Я говорю о сельской симфонии Шостаковича. Она написана в бурные дни Ленинграда, в осажденном городе. Она как бы свидетельствует, что мы можем и должны воевать самым грозным и самым совершенным оружием и победить.

Пусть весь мир знает, что в нашей стране в дни смертельной борьбы со злейшим врагом культуры искусство подымается во весь рост. Когда-то говорили: во время войны нет дела до искусства. А мы говорим: есть дело, и немалое.

Если фашисты жгут книги, мы будем писать все новые. Если фашисты сами пишут книги, полные одичания и тьмы, мы будем их жечь огнем сатиры. Если шайка Геббельса — Розенберга — Гитлера вопит о человекоубийце, человекоубийце, как украшении общества будущего, — мы расскажем о человеке добра и самой страшной хитрости — справедливости: если фашистам хочется воцариться над всеми народами, кроме немецкого, — мы будем писать о свободе всех народов; если они унижали женщину до последней степени, — мы напишем стихи и песни о величии нашей женщины, о молодости и красоте.

В военных стихах наших поэтов, наряду с суровыми строфами а мест и боевых подвигам, всегда есть строфы о дружбе и о любви. И мы верим в их несконечность. Стихотворение Симеонова «Жизнь меня» доходит до сердца каждого бойца и командира так же, как стихи Сурова:

Мы ночью верили в рассвет,
Встающий на крови,
Мы знали, что без гнева нет
Ни счастья, ни любви.
И в редкий час, когда вина
Добыть нам довелось,
Мы пили вином и до дна
За ненависть и злость.
Тяжелый путь нам неким дан,
Но песню впрок готовь,
Придет пора поднять стакан
За братство и любовь.

И мы должны «готовить песню впрок», песню о том чудесном мире, а который мы боремся, который будет и тогда расцветать, когда от фашистов останутся только воспоминания. Мы должны брать жизнь и такой, какая она есть, и такой, какой она должна быть. В блиндажах под Выборгом политрук читал наизусть «Руслана и Людмилу». Мы защищаем сегодня весь фронт от Вареничова до Черного моря, фронт от Малковского до Державина. Слова Суворова живут в сердце генерала, ведущего полки в атаку под Ленинградом. «Война и мир» Толстого, может быть, никогда не имела такого внимательного читателя, как сейчас. Мы защищаем искусство, рожденное веками, от тех веков тьмы, которые снятся фашистам.

Не потому ли апос нашей борьбы имеет уже героев, которые могут быть описаны золотым пером древности. Руставели, Низами. Навои могли бы изображать подвиги наших бойцов рядом с подвигами своих героев-богатырей. Мастерам нашего времени выпала честь высокого соревнования, честь — быть бойцами за человека, а не за лучшее, что есть в нем...

Идет весна. Ломается лед, чернеет снег, светлеет лень. Гудят весенние воды. Будут великие битвы. Мы рады весне. Она не спасет немцев. Пусть они налеются на искусную, чистую погоду, все равно они — люди тьмы. На свои головы они вызвали древний миф о борьбе тьмы со светом. Это спор давно решен. Пока еще в небе солнце, оно будет непобедимым. Ночь отступает каждый день под его стремительным огнем. Так было испокон веков: так будет и сейчас. Мы идем навстречу весне с оружием и песней. В нашей войне и в грохоте наших орудий мы слышим одно и то же пламенное слово: победа. Емму мы отдали и наше сердце и наше вдохновение!

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

С. ЭЙЗЕНШТЕЙН

Десять лет спустя суждено было стать средоточием проклятий всего мира.

Это был год первых побед гитлеризма. Из лучших пленных, грязных рабабов, публичных домов, где набиралась и пахнула эта отравляющая, она впервые нашла и занесла вписавшуюся на улицы, на бульвары, на площади, развеселилась своим знаменам на продажных сайтах, высушила своими флажками с кулачником подполковников.

За разорвать поместить в этот лагерь с гитлеровской эмблемой 1 мая 1932 года платили десятки марок его владельцам. Безразличным владельцам окон и не считалось, что год спустя им будут платить дублей по цене, если они посетуют недостаточное посещение убраться свои гераны и доловоников, чтобы уступить место гитлеровским знаменам. И в них есть красный цвет, но здесь красное кажется рыжим, всегда от пощенин белого цвета со свастикой, выпяченного в это познание.

В этом году был бешеный эжиотаж: окна гитлеровцы тратили горы пронагадленного золота за возможность запознать собой первомайские окна Германии. Преступити целей человечности, они невольно поступали и в этом согласном методе своей профессии.

Окна Германии? Окна Берлина! И помню прогулки по Фридрихштрассе. Путешественнику невольно хотить, задрав голову, по улицам проезжаемых городов. Он глядит на витрины, на встречных людей, на «траффики», на автомобили, автобусы, на людские потоки.

Мне это посоветовал разбитый немецкий журналист, который весело шаргал со мной рядом, завинчив показав мне тот Берлин, которого обычно не видит иностранцы.

Я гляжу выше витрин: я обожую глаза белятэжи. Чистенькие. Элегантные, скромные или парядные, — они выдаются выступающими эркером, интригуя полуспоуценной цетрой, полудрпюпнатыми жезлами.

Десять лет спустя суждено было стать средоточием проклятий всего мира. Это был год первых побед гитлеризма. Из лучших пленных, грязных рабабов, публичных домов, где набиралась и пахнула эта отравляющая, она впервые нашла и занесла вписавшуюся на улицы, на бульвары, на площади, развеселилась своим знаменам на продажных сайтах, высушила своими флажками с кулачником подполковников.

За разорвать поместить в этот лагерь с гитлеровской эмблемой 1 мая 1932 года платили десятки марок его владельцам. Безразличным владельцам окон и не считалось, что год спустя им будут платить дублей по цене, если они посетуют недостаточное посещение убраться свои гераны и доловоников, чтобы уступить место гитлеровским знаменам. И в них есть красный цвет, но здесь красное кажется рыжим, всегда от пощенин белого цвета со свастикой, выпяченного в это познание.

В этом году был бешеный эжиотаж: окна гитлеровцы тратили горы пронагадленного золота за возможность запознать собой первомайские окна Германии. Преступити целей человечности, они невольно поступали и в этом согласном методе своей профессии.

Окна Германии? Окна Берлина! И помню прогулки по Фридрихштрассе. Путешественнику невольно хотить, задрав голову, по улицам проезжаемых городов. Он глядит на витрины, на встречных людей, на «траффики», на автомобили, автобусы, на людские потоки.

Мне это посоветовал разбитый немецкий журналист, который весело шаргал со мной рядом, завинчив показав мне тот Берлин, которого обычно не видит иностранцы.

Я гляжу выше витрин: я обожую глаза белятэжи. Чистенькие. Элегантные, скромные или парядные, — они выдаются выступающими эркером, интригуя полуспоуценной цетрой, полудрпюпнатыми жезлами.

Но дело не в прикрытых жалюзи и дипломатических инженеров или преподавателей игры на виолончели. И так, на ничтожно малом пространстве, во всем человеке (де 410 жэ делью) центр города Берлина.

Правда, не в аэсоных жезлах и стриженом бубенкофе, еще не вышедшем из моды.

И рядом в окне еще Гретхен... И в грэблем — тоже.

В четвертом, пятом, шестом, двадцать пятом, — коротко говоря, по всему поосу белятэжиных окон сидят сплешные разды Ахалькен, Лиакен, Гретхен.

Белокурые, Рыжие. Брюнетки. Штенки. Вододробные блондинки.

И не только по Фридрихштрассе, но и по поперечным — по Иегерштрассе, по Кохштрассе, по бесчисленным боковым улицам, окружающим мощное здание издательства «Удльштейн», наволнивших тысяч миллионов людей странами сотен газет и тысяч изданий, полных макулатуры, столь же бесстыжных, сколь великолелны типографская отелка их внешнего вида.

Неодоумно поворачиваясь к моему спутнику: что значит этот многотысячный парад немецких девушек по гирлядам белятэжиного центра Берлина?

— Остановите свой взгляд на некоторых время на какой-либо из них и всмотритесь попристальнее.

Остановившаяся. Воматриваясь. И загадка разрешается сама собой. Ручка, подпирившая ровную щечку Гретхен № 1001, отделяется от щечки. От ручки отделяется пальчик, и привычным профессиональным движением пальчик заывает заглядывающего прохожего «вкусить от чар» подмигивающей вам «жрицы любви».

Но дело не в прикрытых жалюзи и дипломатических инженеров или преподавателей игры на виолончели. И так, на ничтожно малом пространстве, во всем человеке (де 410 жэ делью) центр города Берлина.

Правда, не в аэсоных жезлах и стриженом бубенкофе, еще не вышедшем из моды.

И рядом в окне еще Гретхен... И в грэблем — тоже.

В четвертом, пятом, шестом, двадцать пятом, — коротко говоря, по всему поосу белятэжиных окон сидят сплешные разды Ахалькен, Лиакен, Гретхен.

Белокурые, Рыжие. Брюнетки. Штенки. Вододробные блондинки.

И не только по Фридрихштрассе, но и по поперечным — по Иегерштрассе, по Кохштрассе, по бесчисленным боковым улицам, окружающим мощное здание издательства «Удльштейн», наволнивших тысяч миллионов людей странами сотен газет и тысяч изданий, полных макулатуры, столь же бесстыжных, сколь великолелны типографская отелка их внешнего вида.

Неодоумно поворачиваясь к моему спутнику: что значит этот многотысячный парад немецких девушек по гирлядам белятэжиного центра Берлина?

— Остановите свой взгляд на некоторых время на какой-либо из них и всмотритесь попристальнее.

Остановившаяся. Воматриваясь. И загадка разрешается сама собой. Ручка, подпирившая ровную щечку Гретхен № 1001, отделяется от щечки. От ручки отделяется пальчик, и привычным профессиональным движением пальчик заывает заглядывающего прохожего «вкусить от чар» подмигивающей вам «жрицы любви».

МСТИТЕЛИ.

Уже промчались многие недели. Но этот день никто забыть не мог... Здесь даже сосны с горько плачут у дорог.

Как позавчера, когда ныла хаты, Когда качались мертвцы в петле, Когда валились малые ребята, Штыками пригвожденные к земле.

Как позавчера, когда слепого леда В зверином испуге своем К двум танкам приваляли людоеды И разорвали надвое живьем.

Забить нельзя. И мы не позабыли, Убицам не простили ничего. И пусть нам труба сбора не трубилась, На сбор пришла мы все до одного.

Мы собирались под столетним дубом — У стариков совета попросить. И те сказали: племя душугубов Земля не может на себе носить.

И под родным, под белорусским небом Мы поклонялись за мертвых и живых И в ту же ночь в стальную книгу гнева Отгнем вписали вражеских часовых.

С тех пор злодеев полегло немало, Наверн гибель убегшие свое. Повсюду нашла их подстергала, Хотя они не видели ее.

Она ждала их в поле и в дубравах, Глядела из-за каждого куста, Она вала мосты на переправах И под откос пускала дрозда.

Она дожда псов из пулемета, И сколько их покосило — сохли! Она вела их в топкие болота, Откуда нет обратного пути.

Она их на ночь в хату приводила, Поила водой, клала на кровать. Когда же дождик поутру выходило, С кровати было некому вставать.

Мы молчали: и в летний зной, и в стужу Им не давать покоя ни на миг; Мы поклонялись — не складывая оружие, Пока сражается хотя один из них.

И мы своей не уронили чести, Не позавалим славы боевой, — И днем, и ночью древо нашей мести Над вражеской бушует войной.

Герой Отечественной войны политрук Кемал Касимов. Статуя работы скульптора П. В. Сабаса.

ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА

РАССКАЗ

К вечеру секретарь парткомиссии полковой комиссар Дорехов закончил вручение партийных орденов на командном пункте бригады морской пехоты. В сумерки он надел кашку, взял автомат и пошел в трети батальон: моряки сидели там в сотне метров от немцев, и понадежда туда можно было только с темнотой.

Вечер ложился прохладный и ясный. Несо над горами еще сияло бледным зеленоватым светом, но скоро черное суеко кружево гоных зимних сумерек утратило отчужденность своего уюта, и на тропинке стало почти темно. В дубняке стояла тишина, если можно назвать тишиной такое шуршание своих снарядов, предвещающее глухим ударом земли, и быстрый свист немецких, кончающихся плотным разрывом неподалеку. Но это и была тишина переднего края: винтовки и пулеметы молчали, и чинящиеся сапог связного казались слишком громким.

Дорехов шел за ним быстро и спорно, степенно ожидая того нарастающего свиста, который может быть последним, что услышишь в жизни, если не сумеешь отличить этот звук от других, безосмысленных, и не успеешь до разрыва снаряда ухватиться ничком. Это стало привычкой: сколько уже раз ходил он так под мины и снаряды, чтобы своими руками передать бойцу или командиру признание партии и высокий знак ее доверия — новенький партийный билет. Ныне он нес их пять — один из них — капитану Митякову, командиру третьего батальона.

Связной остановился, и пошатываясь в кустах с кем-то невидимым, дожидая Дорехова, что капитан выставлял на ночь заслон с тыла, ожидая нынче немецких автоматчиков, и что теперь придется обождал красноты, который ушел вперед своим проходом обогнавшего их почтара. Дорехов присел на камень.

Артиллерийская дуэль прекратилась, и в дубняке стало удивительно тихо. Обе ночи Дорехов провел в других батальонах, а днем довелось послать часа полтора. Он шепнул связному: «Будь, когда что», прислонился к скале и тотчас уснул.

Хорошо, что война иногда разрешает нам сон — короткий военный сон в оружии, на коне или в машине, на штурмующем корабле, под грохот снарядов или в ожидании атаки — скупой, суровый, но золотой отдых. Короткий и плотный — это военный сон подкрепляет, как глоток свежей воды. Глубокого, совершенного забвения гасит для тебя бушующую по всей земле войну, и ты вытываешь в нем новые силы для души и тела.

Но помни, товарищ: если мелькнет перед тобой в коротком этом сне дорогое лицо ребенка, или дальняя тишина забытого дома напыляет на тебя нежко и коварно, если плечо, затнутое боевыми ранами, ступающее у стены окопа или мокрое от волны одиноко твое плечо почувствует милую тяжесть твоей родной головы, — проснувшись, не следи отлетающего видения. Вокруг тебя — бой, Мечтать не время. Спокойствие, любовь, счастье — все, о чем тоскует в войне человеческое сердце, — все это сведено войной в одно понятие: победа. Ты отдохнул: улыбнись благодарно милым видениям, собери всю волю и всю нежность, — будь быстрее, отважнее, хитрее и осторожнее, чем враг, чтобы вырвать у него победу, без которой (ты сам это знаешь!) никогда не будет для тебя ни покой, ни счастья, ни жизни.

Дорехову приснился почему-то сон, которую пел глубокий женский голос. И в невыразимом волшебстве сна встало перед ним чье-то лицо, прекрасное и невыказное, но знакомое и дорогое, а за ним — жаркий простор родных, забытых полей юности и в них — ленивый покой и долгая тишина. Но рядом хрустнула ветка, и он проснулся — так же, как заснул: внезапно и без движения, только раскрыв глаза.

Перед ним была неясная тьма дубняка. Он тотчас вспомнил, где он, какой драгоценный груз лежит в кармане у сердца, и прогав обманя сна, приподнял автомат и прислушался. Но странное дело — привычки сразу же возвращались от сна к действительности, на этот раз он, вероятно, продолжал трезвить с открытыми глазами: песня звучала в лесу ясно и властно.

Ее пел голос необыкновенной чистоты и силы. Он пел свободно и просто, тем глубоким и богатым звуком, который умеет найти в стальной скрипке настоящий артист. Над передним краем, над винтовками и минометами, готовыми к стрельбе над темным дубняком, где, может быть, уже краткие немецкие автоматчики, песня стояла величаво и спокойно, как полная светлая луна — и ни один выстрел не нарушал ее планового хода.

Песня топчила и подговала, она зативляла в себя, как тепкое и сильное течение, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не поддаваться желанию забить обо всем и только следишь мяткие и пляшущие волны удивительного этого голоса. Он с раздражением подумал, что та-

кая песня в войне ни к чему: можно так заслушаться, что прозеваешь то, что делается вокруг тебя во тьме.

Но голос звучал и слышал, и он снова заставил себя думать о другом, чтобы освободиться от коварного его обаяния. Вернулся прожогатым. Связной тронул Дорехова за рукав, и они молча пошли навстречу песне. Она закончилась, но тотчас же голос начал другую.

Скоро, пригнувшись, они вышли узким ходом сообщения в глубокий овраг, и Дорехов с удивлением понял, что повсюду совсем радом. Он заглянул за скалистый траверс окопа и увидел того, кто пел.

Это был мальчик лет двенадцати-тринадцати Рядом с ним стоял старший политрук Галкин, военком батальона, держа над плечом карманный фонарик.

Вспых свет падал на лицо певца. Оно было совсем детским, и когда он подымал глаза в темноту, взгляд его сиял всей безмятежной чистотой начала жизни. Он пел с видимым удовольствием, склонив голову назад и как бы сам прислушиваясь к тому богатому звуку, который вырывался из его губ. Порой губы эти улыбались, и он хитро подмигивал Галкину, который так же хитро отвечал ему обаяющей улыбкой, выхватывая свободной рукой, как бы дирижируя. Дорехов тронул его плечо, и Галкин погасил фонарик.

— Неудачный концерт, товарищ старший политрук, — сказал недовольно Дорехов, здороваясь. — Никуда такая музыка не годится, совсем не военные мысли под нее идут.

— Точно, — ответил Галкин. — Примили? — ни одного выстрела: слыгуна таят... А у меня матросики тем временем выплывают, что надо... Третий вечер так припухают, красота!

— Вот и заслон у тебя на тропинке заслушивается... Экий голос, всю мечту из души поднимает. Прямо — сирена... Галкин обиделся.

— Сказал — сирена... У сирены звук поющий. Воет, душу тает. А у него... — Я не про ту, — усмехнулся Дорехов. — Про ту, что в море поет, память и волю отнимает... Слыхал, были такие морские певички?

Галкин неожиданно оживился. — Это голые, с хвостами, которые древних ритуалов на камни застакивали. Сравнение, видимо, ему понравилось, и он опять во всеялся. — Это точно — сирена... Черноморская сирена! Только насчет заслоны ты не беспокойся: у моряков против этой сирены слово есть. Они песню не слушают, они другого ждут...

— А что? — Обожди, говорю. Чего раньше времени хвастать. Думаю у нас с комбатом одна есть. Как вот выйдешь... Песня кончилась на прозрачной аамрающей ноте, Галкин озабоченно протянул руку с часами к фонарику и нахмурился.

— На устал еще, Павлик? — спросил он. — Давай еще. Пожалоснее казую. Самое время.

— Я лучше веселую, товарищ старший политрук, — ответил Павлик. — Из «Травянки». Они лучше слушать будут, можно?

— Это которой вчера хлопоты? Добро, — сказал Галкин, и Павлик свободно и сильно начал аствовать.

Дорехов заинтересовался, откуда взялся мальчик, и Галкин рассказал, что его нашел у соседней слева, моряком-минометчиков, связной Потанов. Послушав, как он поет, Потанов подумал, что у минометчиков есть уже хороший балетист, и две музыки на одно подразделение будет, пожалуй, жирно, — и пошел к Павлику. Оказалось, что сестра у него артистка, он учился в музтеатре и шел отличником, но репат выехал на Кавказ, а он спрыгал, потому что не мог же он бросить Севастополь, если умеет стрелять (тут он вынул из кармана анокор воронковского стрелка). Однако на фронт он попал только тогда, когда увезли на пароходе сестру, а он опять спрыгался, и остался сам себе хозяином. Но войны тут мало, и минометчики не дают ему даже винтовки.

Тогда Потанов коварно объяснил ему, что минометчики только издали швыряются в гауссов, а настоящая война идет в бригаде, и главным образом, в третьем батальоне, где каждому добровольцу сразу дают две гранаты и трофейную винтовку. Павлик пришел в гости, спел «Пусимы» — и Галкин, не колеблясь, снял с пояса две гранаты и тут же провел его приказом как воспитанника батальона, чего минометчики слезать не догадывались.

Павлик умолял, некоторое время над окопом стояла тишина, потом одиноко и сухо шелкнул у немцев выстрел. Павлик встретился.

— Стреляй, — шепнул он, чут, тебе плача. — Товарищ старший политрук, что же это — стреляют! — Ясно стреляют, раз ты замолчал, — сказал вдруг голос сверху. В темноте

прошурали щебни, и в окоп прыгнула капитан Митяков.

— Ну, как там? — спросил его Галкин.

— Как будто в порядке, — ответил он и тотчас повернулся к мальчику. — Только поф, Павлик... Поф лучше... Вся надежда на тебя, — сказал он тревожно, и Павлик опять вышел.

Он ашел веселую, искрающую девичьи беззаботный смехом песню, и Дорехов вспомнил, что это была песенка Джульетты. Капитан облегался воздухом.

Веселая и пленительная песня торжественно полетела в чью, и казалось, что поет ее бесмерно счастливый человек, но глаза Павлика в ответе фонарика были полны тревоги. Он шел и вопросительно смотрел на капитана, а тот встранивался в темноту, утывая в ней что-то осязаемое, волнующее и важное. Потом он подставил руку под свет, взглянул на часы и негромко сказал в темноту:

— К бою! Команда молнией пробежала по дозорным и окоп быстро стал наполняться моряками. Они пробежали мимо Дорехова, поправляя снаряжение и каски, некоторые, несмотря на темноту, надели вместо них бескозирки, гордость моряка, и скоро присутствие многих сильных, горячих тел почувствовалось в этой живой темноте.

Песня продолжала звучать, поднимая себе сердце и заворачивая ум. Беспечная радость, никоевые юности, веселая любовь играли над затихшим передним краем, а моряки на приступках окопа стояли сурово и грозно. Они ждали — и Дорехов понял, чего: сигнала к атаке. Он подошел к капитану Митякову и просто, без лишних слов, передал ему маленькую твердую книжечку.

— Возьмите в бой, товарищ Митяков. — Спасибо. Оправдаю, — так же коротко ответил тот.

Сильный взрыв впереди заглушил его. Небо справа перед окопом осветилось высоким пламенем, и окоп отгнулся громким «ура». Капитан сунул книжечку в левый карман кителя, под орден, и вскрикнул на брусчет. Моряки лавиной ринулись за ним. На склонах впереди забили автоматы, заработали с флагов пулеметы, подпержая атаку. Тени моряков мелькнули на миг на фоне перебегающих огоньков стрельбы и пропаты во тьме.

— Ну, Павлик, тикай... война пошла — сказал Галкин, выхватывая гранату. — Товарищ полковой комиссар, давайте тоже в близкая, сейчас мины посыпятся... Вот рой взвод, за мной!

Павлик повел Дорехова в близкая. Тричетыре мины с треском разорвались у брусчета, пока они добирались до укрытия. Близкая отстралась, а Павлик сел за стол и жалко стал пить чай.

— Охрип, — сказал он деловито. — Все оверы пропел, пока они доподали. — Это они?

— Кандыба, Баймуратов и Вася Петров, — точно ответил Павлик, и Дорехов понорал обяснить.

Павлик, вкусно прихлебывая чай и прерывая себя, чтобы ответить поворжденным «вот это да!» на особо близкая разрыв мины или снаряда, рассказывал, что нынче комбат и старший политрук распустили ему трескую тачку: ночью сегодня попут в тылу к фашистам добровольцы-саперы, что доподали до того места, что справа, и по старости его попорять. Комбат просил его попеть нынче как можно больше, и Павлику пришлось припомнить все, что пела сестра, а она целыми днями бубнила все эти оперные арии, даже навязало в ушах. Комбат сказал, что если пел нынче как можно лучше: надо, чтобы францы заслушались так, чтобы прохлопали саперов, которые поползут мимо них в темноте.

Павлик во всеялся: наверное, он пел хорошо, — вот как ахнул фашистский доп! Теперь, конечно, к утру весь батальон будет сидеть в немецких окопах, и Галкин подберет для него парабеллум...

В углу запыла телефон. Связист ответил, что Фидла слушает. Потом он вызвал Незабудку и попросил передать Рееде, что Фидла просит огоньку по саперному склону высоты 127,5, куда отступили вытисные из окопов немцы.

Мины закончили уже свою трескотню, и в близкая было тихо. Павлик вдруг завул и откинулся на нары. Он прикрыл глаза, подложив ладонь под щеку и в асуд.

Он спал спокойно и уютно, как спит набежавшийся за день дель. Дорехов смотрел на него и думал о том, что придется выдержать большой бой с Галкиным: мальчика нужно было отправить на «доблную землю», чтобы сберець этот чудесный голос для песен победы и счастья, которые мы будем петь после войны.

Павлик пошевелился. Дорехов заблужд нахнул на него брошенный кем-то перед атаккой полшубок.

«В Голландии запрешено исполнение русской, польской, английской, американской и голландской музыки». (Из газет).

«ВМЕСТО СОПРАНО»

Ладони сжав, певица, Как соловей, поет, Но адрог ладони Фрида Ей заминая рот.

Умолкла трель артистки И вместо соловья: Поет осел фашистский: «И-а! И-а! И-а!»

В Гааге, в Амстердаме Звучит со всех сторон И днем, и вечерами Силошной ослиный стон

Голландцы отличают Осл от соловья И быстро выключают Ослиное «И-а».

С. МАРШАК.

Сергей РАДЛОВ

ВЕЛИКИЙ ГОРОД

Театр имени Ленинградского совета временно переведется на Северный Кавказ. Актеры приняли это постановление, как временный отвод на отдых после многих месяцев напряженнейшей боевой работы. А работами мы все так, как и не мечтали в мирное время! Много актеров ушло добровольцами на фронт, приходилось ретироваться заново с теми, кто остался, с теми, кто был возвращен из частей на производство.

Но на фронт ушли не только актеры. Не осталось в театре почти ни одного плотника, рабочего сцены, осветителя. И за это дело надо было взяться самим. Те, кто разбирался в электротехнике, сели за реостат — управлять системой рампы и софитов, или в ложи к проекторам — направлять их лучи на лица играющих сегодня товарищей, которым, в свою очередь, предстоит занять завтра это место, если только они уже не записались в бригады рабочих сцены. А если записались, то, значит, ни утром, перед репетицией, убрала декорации вчерашнего спектакля, подвесили новые, а вечером немедленно переставляли их, чтобы ни на одну лишнюю минуту не задерживать антракта, чтобы артисты досмотрели спектакль без помехи очередной воздушной тревоги.

В темные осенние вечера фашисты пытались прорываться к городу в одно и то же время — около 7 часов вечера. Спокойно сыграть спектакль и дать время, для того, что могли разойтись по домам Дорогие наши артисты, — это называлось за кулисами «обогнать Гитлера». Враг надеялся посеять среди ленинградцев панику, но чтобы убедиться, как ошибочно были эти расчеты, достаточно посмотреть на бесперебойную работу заводов или, в равной степени, побывать на нашем спектакле.

«Играем «Отелло». Мавр бросается на Дездемону, грубо отдергивает полог кровати, сейчас начнет ее душить, но действие останавливает протяжный звук сирены. И в ответ из зрительного зала — не испуганные вопли, — этого я не слышал ни разу, никогда! — а восклицания досады и возмущения: прервана беседа с Шекспиром! Ведь Шекспир стал неотъемлемым достоянием советского человека, и потребность в искусстве стала неотъемлемой потребностью людей нашей страны. Но вот кончается тревога, и зрители обступают нас, они спрашивают, когда можно досмотреть прерванный спектакль. Есть и самые молодые посетители, которые заявляют более прямые вопросы — что же будет с Отелло, останется ли жив Кассио, и так далее.

Общая, новая и необычная ранее интенсивность восприятия отмечала прием каждой новой нашей постановки. Еще бы! Зритель, который через час после бомбежки, по улицам, засыпанным осколками стекла, спешит к кассе театра, желая сделать, а ради утоления неистребимой в новом, советском человеке жажды искусства. И замечательно, какие дополнения к показанным спектаклям вносят суровое время. «Свободное путешествие», милая и легкая комедия начинающего драматурга В. Лыжонича о молодых счастливых влюбленных нашей страны, приобрела неожиданный новую значительность — показ той радостной жизни, на которую покусываются, которую тшатся отнять у нас наши враги. Лессингова «Эмилия Галлотти» прозвучала во всей суровости протеста против тирании. «Как заката тьма стала» с новой силой и убедительностью напомнила о негибнущести героической нашей молодежи; «Ключи Вердана», при всех дефектах этой пьесы, возместовали, как значительное напоминание о труду русского оружия; «Дама с камелиями», поставленная в самые холодные, жестокие дни, ошущалась не как сентиментальная мелодрама, а как рассказ о страстной борьбе человека за право чувствовать и любить в полную силу души и сердца.

Мудрено ли, что в этой атмосфере радости и все более крепнущей дружбы с ленинградским зрителем мы за полгода

выполнили годовую производственный план? Мудрено ли, что настоящим прахником для нас было играть для акцелла, только что вернувшейся полковой лодки, совершившей влады от своих бы легендарный соросадевый поход и потонившей грозное число немецких триоспертов, педших в Финляндии? Мудрено ли, что еще более популярными стали в городе имена лучших моих учеников — актеров: Константин Элобина, комика, без которого не обходился почти ни один из бесчисленных наших концертов на призывных пунктах: кораблях, аэродромах; Тамара Якубович — Джульетты, Дездемоны, Ларисы, Маргариты Тютчевы нашей сцены; Ангелина Лубовская — Лессингова принца и Арман Даволя; Бориса Смирнова — Ромео, Отелло, Гамлета нашего театра?

И в самые морозные январские вечера, когда временный перебой с электроэнергией останавливал спектакли, Дом радио посылал в эфир сцены из уже завершенной нами постановки «Парня на нашего города», посылал в эфир бесмертные строки «Гамлета», «Отелло», «Ромео и Джульетты» в торжественный вечер, посвященный творчеству Шекспира.

До скорого свиданья, Ленинград! В нашей памяти — образ твоей красоты, величественной и вечной, как море и горы Кавказа, куда мы держим путь. Это первая из моих пятидесяти летних, когда не увижу я удивительных твоих белых полей, в которых выплывают с торжественностью гениально построенные, прекрасные здания, не меканские, не погрязшие в футуризме и ариализме злобных злобных фантазий, а величественные здания наших рабочих районов, где мы столько раз играли в огромных, многочисленных, вновь воздвигнутых Домах культуры. Но и во временной, недолгой разлуке Ленинградом высокой строй ее творческой красоты будет питать мое творчество, так же как он помогал музыковеду и композитору Асафьеву развивать в течение этой зимы грандиозную симфоническую деятельность, как он помогал творить образной, чье зумительное мечто-опрано постопапно ачуть в Клонитате и в сухопутных частях Ленинградского фронта, сопоставляемое тонким и блестящим юмором Горин-Горинова, как он помогал оркестрантам вновь открывшейся Ленинградской филармонии, как он помогал мне в долгие вечера готовить доклад для прошедшей на днях шекспировской конференции.

Мы помним, какой огромный вклад в советское искусство внесли за эту четверть века люди, дышавшие воздухом Ленинграда. Здесь в первые годы революции на безбрежных площадях, перед аркой генерального штаба расцвели первыми массовые празднества. Дажо Нена и Петропавловская крепость становились площадкой грандиозных этих спектаклей, и боные суда входили в реку становились там, где стояли они еще недавно, ожидая, когда растаял лед и можно было снова броситься на немыслимо высокие. Здесь сохранились прекрасные произведения нашей кинематографии — «Великий гражданин», «Чапаев», работы Траубера и Колинцова. Здесь расцвел дивный талант Шостаковича. Отсюда колыхалась волна советских постановок Шекспира. Здесь в замечательном ленинградском балете впервые явили в хореографии новые, близкие нам темы. И мы твердо верим: о невиданной силой будет цвести здесь вечно живущее ленинградское советское искусство.

Никогда, никому не разорвать кровных уз нашей связи с великим городом Ленинградом. Недалек час, когда мы вернемся и снова будем ходить вдоль пушкинского гранита набережных, будем вспоминать о пережитых годах, будем дышать воздухом победоносного мира.

Вано МУРАДЕЛИ

СЛУЖИТЬ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Для того чтобы по-настоящему понять, какой разнообразной жизнью живет фронт, нужно видеть его своими глазами. Интерес наших бойцов и командиров к культуре, к искусству, к музыке в частности, очень велик. Большой их любовью пользуются работающие для фронта исполнительские коллективы, ансамбли, дирижеры.

Ансамбли, с которыми мне пришлось познакомиться во время поездки на Северо-Западный фронт, отличаются высокой культурой исполнения. В них есть прекрасные музыканты, в красноармейском ансамбле Северо-Западного фронта я встретил ленинградского певца Флакса и своего консерваторского товарища Мзынкова, работающего в ансамбле колло-инитором и пианистом. Запомнилось мне замечательное — мужественное и сильное — исполнение Флаксом «Валлады о капитане Гастелло» Белого в очень интересной обработке Мзынкова для голоса е хором.

Для Северо-Западного фронта работает хороший дирижер-ансамбль под управлением молодого, очень талантливого дирижера Б. Смита. В одном из концертов дирижера выступили два танора (они пришли в ансамбль из самостоятельных коллективов). Мне редко приходилось видеть такое темпераментное исполнение, такую виртуозную технику танца. Сам Б. Смит по окончании войны собирается поступить в консерваторию на дирижерский факультет.

Сейчас во всех этих ансамблях работается первомайская программа. Большое

много замечательных рассказов об их героических подвигах мы слышали. Я никогда не забуду один из этих рассказов.

Начальник партизанского отряда послал одного из своих бойцов на выполнение ответственного боевого задания. Нужно было прорваться в глубокий тыл противника, пройти много километров лесом, в зимнюю вьюгу, обходя занятые немцами деревни, минова вражеские патрули и заставы. Через несколько часов был послан второй боец — на случай, если бы первый не дошел до цели. Но они оба дошли и оба вернулись и доложили начальнику о точном выполнении порученного дела. А заданье было необычным — ничего похожего нельзя найти в истории всех мивуническ войн человечества. Бойцы были посланы к могиле Пушкина в Святогорском монастыре, чтобы привести ее в порядок и убрать все вокруг могилы. Рискуя жизнью, они сделали это, поклонились праху великого русского поэта и вернулись обратно невредимыми.

Близко всего мы познакомилась на фронте с артиллеристами, познакомилась и в «частной жизни» — мы жили с ними в одной землянке — и в их боевой работе. Точность и чистота этой работы изумительны, — я имел возможность убедиться, что, сидя на артиллерийском наблюдательном пункте, Гвардейцы не традл зря снарядов!

Два зала были даны нашими артиллеристами в честь советской музыки. Через две минуты капитан доложил, что этими двумя залами уничтожено шесть машин с вражеской пехотой. Бойцы шутли «Легкая у вас руса, товарищ командир!»

Мы очень подружились с артиллеристами, — особенно с комиссаром т. Филиповым и капитаном т. Горечким. Ночь, в землянке шли бесконечные разговоры на самые разные темы, в том

числе и на музыкальные. Говорили о симфониях Шостаковича, о творчестве Державинского, Белого, Покрасова. Говорили, конечно, и об оборонной песне.

Очень запомнилось мне слова полковника Караченцева, который полноту, подусервенно уверял, что никому из нас не написана хорошей песни об артиллеристах — из-за текста.

«Вы пишете песни, — говорил он, — об армии вообще, а не об артиллеристах. Артиллеристы, — точней прицел, — почему, собственно, это относится к артиллеристам, а не к пехоте? А вот в старших солдатских пехотах умеет петь об артиллерии, и даже о наших артиллерийских орудиях. Это может быть и не очень складно сказано:

«...И трубку действия двойного Умел собрать и разоборать», за то уж, без сомнения, об артиллеристах».

Мы простались с нашими друзьями на долгие ороа. Как только я напишу общеемное им произведение — «Марш Северо-Западного фронта», — поеду к ним снова. Но и работая в Москве, мы будем держать связь с художественными центрами Северо-Западного фронта — недалеко организованным Домом Красной Армии и радицентром фронта. Для них мы будем создавать произведения, посвященные героическим людям и славным делам Северо-Западного фронта.

Вспоминается еще одно. Мне о моими товарищами довелось присутствовать при торжественном вручении орденов бойцам командирам. Я помню, с каким достоинством отвечали бойцы на приветственную речь командующего армией: «Служим Советскому Союзу».

НАРОДНАЯ СИМФОНИЯ

«Следует музыку народ, а мы, музыканты, только ее воспроизводить».

Музыка 23-й симфонии-сюиты Н. Я. Мясковского проста, как проты сами мелодии...

На титульном листе авторского экземпляра партитуры обозначено: «Симфония-сюита (№ 23) на темы народных песен Кабардино-Балкарии».

Передается партитура произведения, вступаясь, чему отдать предпочтение: совершенству музыкальных образов и стройности архитектоники целого...

Неожиданно звонко и радостно появляется новая мелодия на флейте и гобое, поддержанных виолончелями и вторыми скрипками.

Кабардинская танцевально-маршевая песня «Чечичев Огури» — основа музыкального образа, слесующего непосредственно за героической песней «Баксастрой».

А. МЕЛЬМАН

БЕЖИН ЛУГ

Весна только начиналась. После долгой трясницы по проселкам люди с киноаппаратами выехали на лесную опушку.

По этим лесам бродил Тургенев с Ермолом, на этом лугу повстречал он ребят, гонимых табуи в ночное.

Есть уголки в нашей стране, которые особенно дороги каждому культурному человеку. К их числу принадлежит село Спассо-Лутовиново.

Сда часто приезжали школьники, студенты, писатели, колхозники, бесчисленные почитатели великого классика.

В тургеневский домик, где жила Бачурнина — внучка знаменитого Ермола, ворвались немецкие солдаты.

«Тургеневу, — ответила Бачурнина. — А где он? — прозно спросил фашистский недоучка».

«Тогда наступающие части Красной Армии выбили врага из Спассо-Лутовинова, они застали тяжелое зрелище.

новых музыкальных образов симфонии. Форма первой части — сонатное аллегро, главной темой которого служит песня «Баксастрой».

Вторая часть симфонии-сюиты развивает лирико-эпические образы кабардино-балкарской музыки.

Первая — грустно-повествовательная и вторая — скорбная, с элементами драматизма и сдержанной патетики.

Помимо «Исламей» в заключительной части симфонии-сюиты использованы старинная балкарская шуточная песня «Халимат».

Музыка симфонии Н. Я. Мясковского понятна всякому, кому свойственно чувство прекрасного.

Крестьяне притались в лесах. Осыпавшись хлопьями, колхозник Трофим Петров шло по тропам.

Когда солнышко клонилось на закат, Сюзьвал Трофим Петров своих ребят Соборитесь-ка, ребята, в дружный стан.

Прошло три месяца. Партизаны подвигли первый отряд. Вот их отчет.

Там, где лес, одетый ином, седой, В день морозный под стелетеньем сосной.

Дали клятву еще крепче бить врага. На подмерзшем болоте выныл первый снег.

Темной ночью по заснеженной тропе Подошли они к деревне Иломле.

Дружеский шажок Н. РАДЛОВА.

ЗАСЛУЖЕННЫЕ ОВАЦИИ

Известный английский писатель и драматург Джон Б. Пристли является одним из активнейших участников борьбы писателей мира против гитлеризма.

Пристли часто выступает по радио. Широко известность получила его книга «Пристли и микрофон».

На днях я отправился на большой англо-американский завод провести беседу с английскими рабочими.

Первое место принадлежит советским людям, вступившим в ряды Красной Армии и мужественно сражающимся.

В большой аудитории, где в тот день собрались сотни рабочих, членов профсоюза, мне думается, едва ли было три коммуниста.

ПЕСНЯ ОСВОБОЖДЕННОГО РАЙОНА

«Теперь об этом можно писать. Не погнут больше землю в этих местах кованые сапоги немецких солдат».

Время сладило скорбь. Вечерними часами люди полявских деревень вновь поют песни. Белые столбы дыма тянутся к лебу.

Четыре строки песни сочинил человек с ружьем, в лесу, в конце лета прошлого года. Крестьяне шли по дорогам.

Крестьяне притались в лесах. Осыпавшись хлопьями, колхозник Трофим Петров шло по тропам.

Там, где лес, одетый ином, седой, В день морозный под стелетеньем сосной.

Дали клятву еще крепче бить врага. На подмерзшем болоте выныл первый снег.

Темной ночью по заснеженной тропе Подошли они к деревне Иломле.

«В ПОХОДЕ» Слева направо: лауреаты — художники Кукрыныксы (П. Крылов, Н. Соколов, М. Куприянов), Н. Радлов, писатель С. Маршак, художники П. Соколов-Скаля и П. Шухмин.

За честь и свободу советской державы Мы в брках октябрьских сражений славы, Мы в битвах построили родину нашу, Мы — граждане гордой и вольной земли.

КОМПОЗИТОРЫ В ДНИ ВОЙНЫ

27-29 апреля происходило расширенное заседание президиума оргкомитета Союза советских композиторов.

Имена этих партизан уже слышала страна. Родина наградила их высшей правительственной наградой.

И они подвинули над белым домиком флаг, алаящий под солнцем. Отряд вошел в Полю.

Выступившие в прениях композиторы В. Кручинин, Н. Чемберджи, музыковед Г. Поляновский дополнили доклад сообщениями о творческой жизни периферийных центров.

Композитор И. Держинский говорил об актуальности лирической темы, о чем свидетельствует хотя бы огромная популярность стихотворения К. Симонова «Жди меня».

Работники цирков Красной Армии. За последние полгода цирки страны провели большую работу по обслуживанию Красной Армии.

Новые книги. Голотизмат выдает большую серию книг, включающих избранные места из героического эпоса народа СССР.

По советской стране. Свердловск. Находящиеся здесь театры закончили и сданы в печать много новых произведений.

